Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

— Диета, старик?
Нет... инфляция.

Рисунок А. КРЫЛОВА

КРОКОДИЛ

№ 36 ● ДЕКАБРЬ 1974

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

ПРИГЛАШЕНИЕ К КАЛЕНДАРЮ

Этому живому, веселому рисунку трудно сразу придумать название: карнавал, шествие, а, может быть, по-цирковому — парад-алле? Во всяком случае, старенький Савеловский вокзал за всю свою историю не видел ничего подобного. Сколько всемирно известных фигур, лиц, характеров! Все это персонажи сатирических и юмористических произведений русской советской и мировой классики. Куда спешат они? Конечно, к зданию, где помещается «Крокодил». Они призваны сюда, чтобы занять отведенные для них места на страницах сатирического календаря.

Как известно, у нас в стране выпускаются разные календари: отрывные и настольные, женские и детские, календари для юношества и спортивные. При всем календарном многообразии и богатстве любители смешного чувствовали себя неуютно: отсутствовал сатирический календарь. И вот сегодня мы делаем попытку создать его.

Идея простая:

а) календарь должен, по возможности охватывать все важнейшие даты из истории сатиры и юмора;

б) будучи сатирическим, он должен делаться задорно, с улыбкой, шуткой, но при всем этом не давать повода для повторения печально известной сентенции Хлёстовой из комедии «Горе от ума»: «Всё врут календари!»

Составители и авторы считают, что их работа далеко не завершена. Возможно, что периодический выпуск календарей станет в Крокодиле традицией, и тогда, пользуясь замечаниями и советами читателей, редакция сможет год от году совершенствовать как их форму, так и содержание.

...Ну, а какую же все-таки подпись дадим мы к этому рисунку, которая заодно могла бы служить и эпиграфом к номеру? Может быть, такую:

— Приглашение к календарю.

Согласны, дорогие читатели? Тогда, милости просим!

Рисунок И. СЕМЕНОВА

ЯНВАРЬ

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31

Откуда ветер дует

«У Фамусовых, верно, вы встречали
Молчалина А. С. Он мне родня.
Я тоже Алексей Степанович Молчалин,
Прошу любить и жаловать меня.
Мой предок доказал неоднократно-с,
Что качеств у него особых два-с:
Умеренность и аккуратность,—
Они мне правдой служат и сейчас...
Но сотня долгих лет прошла недаром,
И ныне самому себе в приятность
Прибавил я к своим талантам старым
Уверенность и вероятность...
И пусть в чинах мы небольших порою,
Уверенность нам силы придает,
А вероятность тайною тропою
Ведет нас, указуя наш черед:
Кто дальше вверх пойдет...
Кто раньше ниц падет...
Кто лучший стол займет...
Я кожей, как собака радиацию,
Заранее предчувствую везде
Реформу, перестройку, пертурбацию,
Слиянье, сокращенье и т. д.
И тут же рассчитав кривую верности,
Нырну на миг — и вновь я на поверхности!

Да! Жизнь моя течет иным манером,
Не пользуюсь я нынче словоером:
Не шепчут с благолепием уста
Приставки униженья «с» и «ста»...
Мой пращур подсюсюкивал: «Чего-с
Изволите-с! Для вас для одного-с!»
Тьфу! «Угождать всем людям без изъятья»!—
Подумать только, были времена!
С какой-такой-сякой, простите, стати?
Фигура для меня всегда одна:
Лишь тот, кто надо мной,— тот изначален,
Лишь для него я преданный Молчалин,
Пред ним я прах и пыль,
Когда в глаза гляжу
И искренне твержу:
«Ваш стиль — прелестный стиль
В разрезе руководства,
В нем столько правоты ума и благородства,
Когда вы заостряете вопрос...
Когда вы учиняете разнос...
Когда б не вы... не вас... не вам... не вами...
Да разве чувства выразишь словами?!»

Лишь перед ним Молчалин измочален
Безумно жарким приступом любви,
Но тех, кто под Молчалиным,— дави!
Для тех, кто подначален, я Кричалин,
Ворчалин, Поучалин, Накачалин,
Рычалин, Кулаком-Об-Стол-Стучалин,
И это у меня живет в крови...
Кто нынче, кто из бессловесных
Достигнет степеней известных?
А я достигну их опять,
Поскольку знаю, ЧТО КОМУ сказать...
Когда же сам в начальники пройду,
Тотчас, как опыт мне рекомендует,
Молчалина себе я заведу,
Чтоб знать, откуда нынче ветер дует!»

Андрей ВНУКОВ.

— Карету мне! Карету!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА

НОВЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ХОДЖИ НАСРЕДДИНА

ХОДЖА ПРЯЧЕТСЯ ОТ СТЫДА В ШКАФ

Ходжа устроился продавцом в секцию готового платья большого универмага. А вскоре заведующего секцией, который слишком усердно распродавал из-под прилавка импортные товары своим родичам и знакомым, уволили и взяли на его место другого. Услышав об этом, ходжа спрятался в шкаф с костюмами.

Придя в первый день в магазин пораньше, новый заведующий начал перебирать весь наличный товар и при этом, сердясь, с досадой говорил: «Хм, ничего импортного. Как жить-то буду?» Отворив наконец шкаф, он увидел там ходжу и удивленно спросил: «Что вы тут делаете, коллега?». «Сгораю со стыда за вашего предшественника,— чистосердечно ответил ходжа, вылезая наружу.— Поверьте, эфенди, мне совестно, что он не оставил ничего приличного на вашу долю».

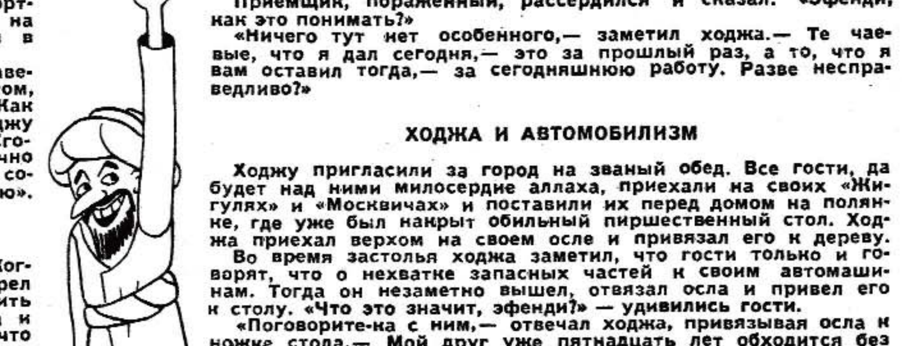
РАЗВЕ НЕСПРАВЕДЛИВО?

Однажды ходжа отдал в ателье отснятую кинопленку. Когда же он явился в ателье в назначенный день и просмотрел проявленную пленку, то едва удержался, чтобы не прибить мастера: пленка была вся в пятнах и разводах, порвана и поцарапана. Однако ходжа ничего не сказал, заплатил что следовало, а уходя, оставил приемщику три рубля.

Через неделю ходжа опять пришел в это ателье. Теперь уж приемщик был сама любезность. Получив в тот же день проявленную пленку, ходжа не обнаружил никаких дефектов; более того, пленка была даже перевязана шелковой ленточкой. Он опять ничего не сказал, уплатил сколько полагалось, а уходя положил на стойку двугривенный.

Приемщик, пораженный, рассердился и сказал: «Эфенди, как это понимать?»

«Ничего тут нет особенного,— заметил ходжа.— Те чаевые, что я дал сегодня,— это за прошлый раз, а то, что я вам оставил тогда,— за сегодняшнюю работу. Разве несправедливо?»

ХОДЖА И АВТОМОБИЛИЗМ

Ходжу пригласили за город на званый обед. Все гости, да будет над ними милосердие аллаха, приехали на своих «Жигулях» и «Москвичах» и поставили их перед домом на полянке, где уже был накрыт обильный пиршественный стол. Ходжа приехал верхом на своем осле и привязал его к дереву.

Во время застолья ходжа заметил, что гости только и говорят, что о нехватке запасных частей к своим автомашинам. Тогда он незаметно вышел, отвязал осла и привел его к столу. «Что это значит, эфенди?» — удивились гости.

«Поговорите-ка с ним,— отвечал ходжа, привязывая осла к ножке стола.— Мой друг уже пятнадцать лет обходится без запасных частей».

Собрал А. ВИХРЕВ.

ФЕВРАЛЬ

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23

24 25 26 27 28

— Извольте выдать мне на всю бригаду...

Рисунок Е. ШУКАЕВА

— Давненько я не брал в руки шашек.
— Знаем, как вы давненько не брали в руки шашек — каждый день на работе играете.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

ПОВЕСТЬ О КАПИТОНЕ КОПЕЙКИНЕ

Так вы не знаете, кто такой Капитон Копейкин? Да ведь это, впрочем, если рассказать, выйдет презанимательная для какого-нибудь писателя в некотором роде целая поэма.

Пенсионер Капитон Копейкин, сударь ты мой, в своем дворике соорудил оранжерейку и сад-огородишко и произвел там без привлечения посторонней рабочей силы некоторое количество огурцов, яблок, вишен и даже арбузов-громадищ, дилижансов эдаких. Тут-то и возник вопрос о реализации и переводе чертовства этого витаминозного в ассигнации. Расспросил мой Копейкин, куда обратиться. Говорят, есть высшая комиссия, правление, понимаете, этакое — «Заготфрукт и овощ» и начальником там некий Г. Аншефов.

Копейкин мой, вставший поранее, поскреб себе левой рукой бороду, натянул джинсы и выцветший френчик и отправился к самому начальнику Аншефову

Втащился Копейкин в приемную «Заготфрукт и овощ», прижался там в уголку себе, потому что в приемной уже народу набилось, как бобов в консервной банке,— все такие же индивидуальные огородники. Ждет мой Копейкин часа четыре, как вдруг в приемной пронеслась чуть заметная суета, будто эфир какой-нибудь. Раздалось там и там: «шушу» — и, наконец, тишина настала страшная. Входит тов. Аншефов, облоберзаготовитель. Ну, можете себе представить, государственный человек, в лице, так сказать, сообразное со званием и выражение. Подходит к одному, к другому: «Зачем вы? Зачем вы? Что вам угодно? Какое ваше дело?» А дело у всех одно: «Желаем сдать отечеству по дешевой цене плоды земли и в некотором роде плоды рук своих».

«Хорошо,— говорит его заготпревосходительство.— Сейчас у меня нет ни емкостей, ни складов, ни холодильников, ни транспорта, но на следующей недельке все появится».

Копейкин вышел с крыльца, как пудель, которого повар облил водой: и хвост и уши повисли.

Еще неделя минула, и сделалось бедняге совсем невтерпеж, решился во что бы то ни стало реализовать через «Заготфрукт и овощ» свой урожай.

Г. Аншефов по обыкновению входит в приемную. «Зачем вы? А? — говорит, увидевши Копейкина.— Ведь я уже объяснил вам».

«Да ведь портится фрукт,— ответствует Копейкин.— Равно как и овощ плесневеет. А я, ежели хотите знать, никакой корысти не имею, кроме намерения по дешевой цене накормить городского человека натуральным витамином да еще и государству прибыль дать в виде комиссионных процентов».

«Но,— говорит заготсановник,— согласитесь: я не могу вашу зелень у своей жены в шифоньере хранить, право... Вооружитесь терпением».— И напоминает тонким способом, что пора наконец и выйти.

Не прошло, можете себе представить, пяти дней, как на магаданских и воркутинских рынках появилась шайка разбойников, частных торговцев овощами и фруктами. Вишенка — чуть не по пяти рублей кулек, арбуз-громадище, дилижанс эдакой, высунулся из мешка, как бы ищет дурака, который отдал бы за него червонец,— словом, на всяком шагу соблазн такой, что слюнки текут, не хочешь, а последнюю шахтерскую прогрессивку отдашь. А атаман-то этой шайки рыночных грабителей был, сударь мой, не кто другой, как Капитон Копейкин!

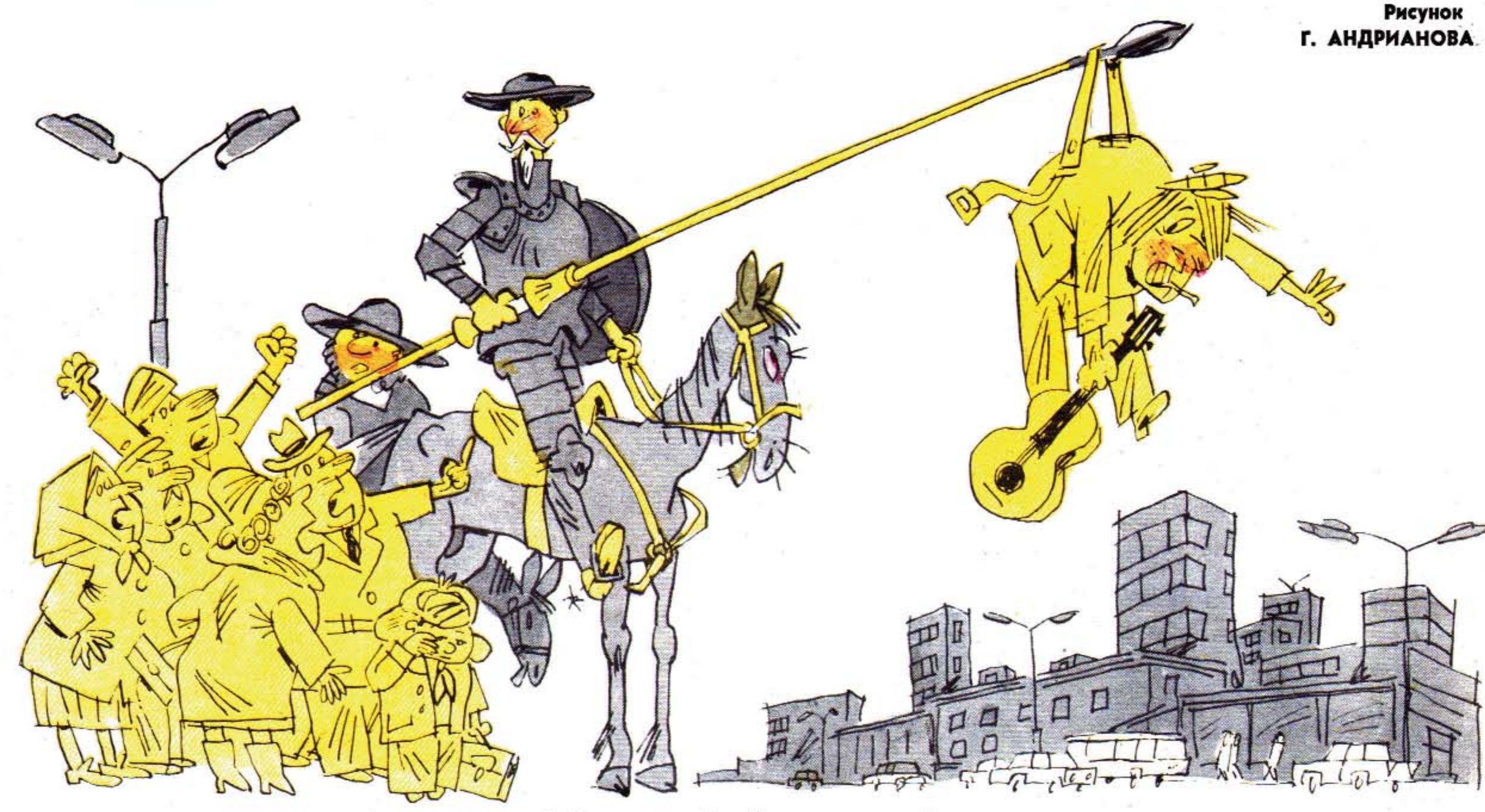
И какой же огородник не любит быстрой езды на рынок, если заготовители из рук вон плохо делают свое прямое дело!

В. МАРКОВ.

МАРТ

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

— Подумаешь, пацана обидел! Ну и что! Тоже мне Дон Кихот нашелся!..

75 ЛЕТ НАЗАД ДЖЕРОМ К. ДЖЕРОМ НАПИСАЛ ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОВЕСТИ «ТРОЕ В ЛОДКЕ»

МИСТЕР ПОДЖЕР ВЕШАЕТ КАРТИНУ

Современный дядюшка Поджер, волею судьбы превратившийся в штатного сотрудника радиостанции «Свободная Европа», взялся повесить на видное место яркую картину процветания капиталистического мира. Он снимает пиджак и принимается за работу.

Для начала он посылает в библиотеку горничную, то бишь секретаршу, за последними статистическими справочниками и сразу же шлет ей вдогонку поденщицу, то бишь референта, чтобы предупредить, что ему не нужны книги, где говорится о спаде производства и росте безработицы.

Работа закипает. Двое сотрудников, торопясь, вычеркивают из официальных таблиц сведения о росте цен, третий покрывает позолотой раму для будущей картины, четвертый и пятый, мешая всем остальным, наспех лакируют нефтяную проблему...

— Немедленно принесите мне сводку о снижении цен на гуталин и проект законопроекта о равноправии женщин, — распоряжается тем временем сам мистер Поджер. — А куда подевалась книга «Гимн нашей демократии»?

Все начинают искать книгу, а кабинет наполняется клубами едкого дыма: не выдержала ЭВМ, при помощи которой мистер Поджер попытался сложить доходы крупнейших корпораций с убытками «среднего налогоплательщика» после недавнего повышения налогов. Проветрив помещение, сотрудники находят наконец друг друга и самого мистера Поджера, который, оказывается, добрый час сидел на книге «Гимн нашей демократии». Однако использовать гимн невозможно, поскольку лучшие цитаты, как выяснилось, давно уже выгрызены оголодавшими крысами, прибегающими в поисках пищи из негритянских кварталов.

— Тогда тащите сюда кривую роста всеобщего благосостояния, она будет эффектно смотреться в центре картины,—не унывает мистер Поджер.— Что, нет кривой? Ну согните какую-нибудь прямую!

В конце концов кое-как заполненная золоченая рама — пусть криво и ненадежно — укрепляется на стене.

— Вот, — говорит мистер Поджер, с удовлетворением потирая руки, — полюбуйтесь...

Взмыленные сотрудники почтительно отступают на несколько ярдов от только что родившегося произведения и напряженно молчат. Ведь мистер Поджер второпях повесил картину вверх ногами, и эффектная кривая вместо того, чтобы неудержимо взлетать слева направо, уныло ползет в левый нижний угол картины.

— Великий боже! — говорит мистер Поджер. — Вы стоите и глазеете на меня и не можете сказать, что картина повешена вниз головой.

Он ставит на электронно-вычислительную машину табуретку, взбирается на нее и пытается перевесить картину. Внезапно он теряет равновесие и падает прямо на клавиатуру ЭВМ. Внезапность, с которой мистер Поджер прикасается головой и всем телом к кнопкам и клавишам, создает поистине замечательный музыкальный эффект...

Э. БАСКАКОВ.

92 ГОДА СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Я. ГАШЕКА

Швейк в Мюнхене

Не жалея живота своего, Швейк успел к полуночи обойти дюжину мюнхенских пивных. Войдя в тринадцатую, он сам был уже довольно благоухающим цветочком, но сохранявшим при этом во взоре чистоту анютиных глазок.

Заказав свою обычную дегустационную норму — три кружки, Швейк обнаружил, что за столом с ним сидят еще два господина — толстый и еще более толстый, оба явно отставного вида, но сохранившие от лучших времен пудовые кулаки и луженые глотки. Они о чем-то громко горланили, но Швейк, ушедший в дегустацию, ничего не слышал. Вдруг до него несколько раз донеслось имя Франц-Йозеф. Теплые, далекие воспоминания всколыхнуло это имя в слегка затуманенном сознании Швейка. Он вспомнил, как в молодости в трактире «У чаши» рассматривал засиженный мухами портрет императора Франца-Иосифа.

Отставной бравый солдат прислушался к разговору своих соседей по столу. Особенно напрягать слух ему не пришлось, потому что один из тучников грохнул кружкой по столу и заорал:

— Да здравствует Франц-Йозеф!

— Тсс, господа! — Швейк прижал палец к губам и шепотом представился: — Моя фамилия Швейк. Да-да, тот самый. Неужели вы не помните, из книги Гашека, как я тоже гаркнул: «Да здравствует император Франц-Иосиф Первый!» и что из этого получилось? Судебные врачи сошлись в определении моей полной психической отупелости и врожденного кретинизма. Меня направили в психиатрическую клинику. Надеюсь, вы не хотите разделить мою судьбу?

— Идиот,— сказал толстый баварец.— Мы славим не императора, а председателя партии ХСС Франца-Йозефа Штрауса.

— О, майн гот! — воскликнул Швейк.— Не тот ли это Штраус, что заявил: «Я никогда не пойду на переговоры об увековечивании итогов мировой войны. Мы будем бороться за каждый квадратный метр к востоку от Эльбы»?

— Да, да, герр Швейк, вы текстуально точно воспроизвели высказывания нашего обожаемого фю... председателя партии.

Швейк отхлебнул из кружки, задумчиво поскреб седой висок и спросил:

— А как вы думаете, господа, это он всерьез или только прикидывается кретином? Осмелюсь доложить, что в психиатрической клинике симулянтов довольно быстро выводят на чистую воду. Основательный клистир из мыльной воды и глицерина у кого хочешь сразу отшибает охоту притворяться умственно ущербным.

Соседи Швейка поставили кружки на стол и застыли с пеной у рта.

— Наш любимый председатель не симулянт! Он говорит то, что думает!

— О! — встревожился Швейк.— Значит, он натурально неизлечимый?! В таком случае я ему не завидую и вам тоже.

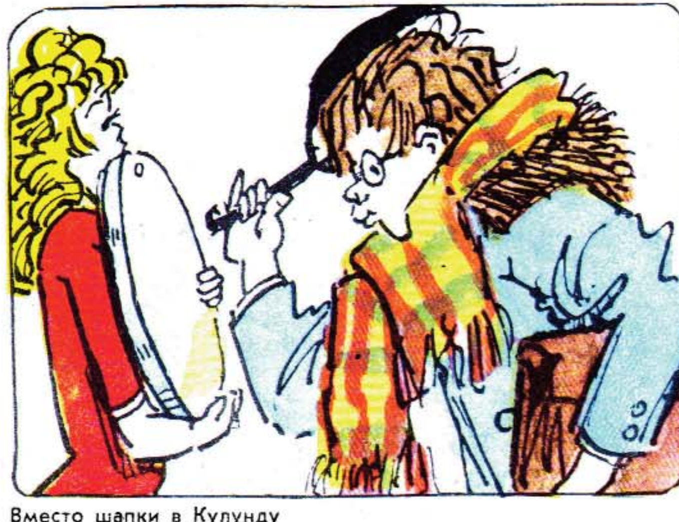
Воспользовавшись некоторым замешательством в рядах поклонников Франца Йозефа Штрауса, Швейк выскочил на двор. И здесь, глядя на чистые звезды над головой, Швейк облегченно подумал: «Все-таки это прекрасно, что тут, на Западе, пиво варят не политиканы, иначе это была бы такая бурда, которую и в рот не возьмешь».

И. ОЛЬГИН

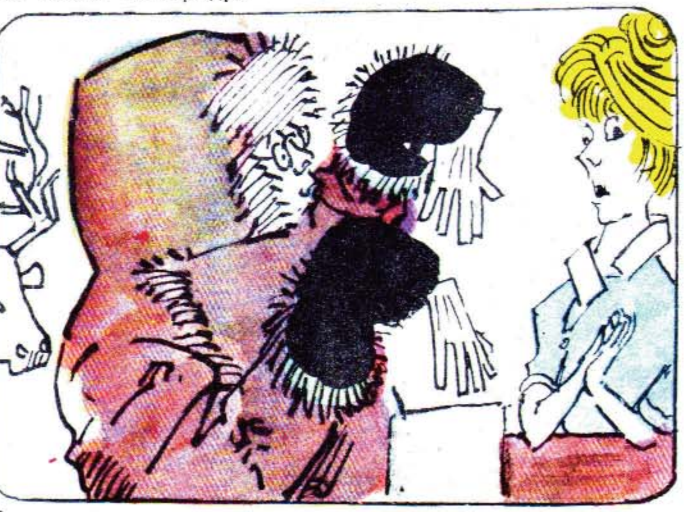
АПРЕЛЬ

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30

88 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. Я. МАРШАКА

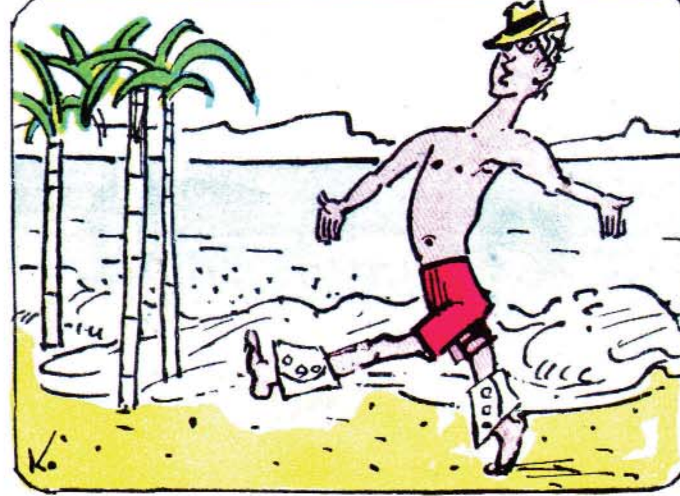
Вместо шапки в Кулунду
Он послал сковороду...

Вместо валенок перчатки
Получили на Камчатке.

Он в аул прислал пальто —
Говорят ему: не то...

А на все запросы наши
В Ялту выслал он гамаши.

Мистер Твистер

Мистер Твистер,
Бывший министр,
Покинул Америку...
Вовсе не стар,
Он, босс стадионов
и теннисных кортов,
Заведует спортом
В далекой ЮАР.

Мистер Твистер,
Бывший министр,
Взяв чемодан,
Отправляется вдаль.
С ним сорок спортсменов,
Почти суперменов —
Все едут в Европу
На спортфестиваль.
Мистер Твистер
Радостный, гордый:
Ждут их победы!
Ждут их рекорды!

Море — направо.
Горы — налево.
Поезд...
Швейцария...
Город Женева.

Мистер Твистер,
Покинув Преторию,
Влип
В неприятную очень
Историю:
Просто кидает
То в холод, то в жар —
Все отвергают
Команду ЮАР.
Гибнут надежды,
И рушатся чаянья...
Мистер взывает
В припадке отчаянья:

— Что за причина!
Никак не пойму.
Чудо-мужчины,
Один к одному!
Как на подбор —
Все красивые, смелые...
Все, как один,
Чистокровные белые...
Нет чернокожих
Ни одного,
Хоть просветите
Рентгеном его.
Все наготове,
И поутру,
В девять ноль-ноль
Начинаем игру.

— Не станем играть! —
Говорят филиппинцы,—
Хоть будь они
Трижды
Наследные принцы!
— Не будем играть! —
Заявляют японцы,—
Ни здесь,
Ни в Стране
Восходящего Солнца!
— Играть не желаем! —
Ответ марокканцев,
Гвинейцев,
Суданцев
И всех африканцев.—
Нет места
Поборникам
Ваших идей
В колоннах
Порядочных,
Честных людей!

Играют в футбол
Без команды ЮАР...
Потом в баскетбол
Без команды ЮАР...
Стреляют без них
Из винтовки и лука...
Быть может, на пользу
Пойдет им наука!

И сорок спортсменов,
Почти суперменов,
Канючат за стойкой
У толстых барменов:
— Еще по коктейлю
И «бренди» двойной!
Нам нужно забыться
Любою ценой.
А мистер Твистер,
Бывший министр,
Теперь
Уже в качестве
Просто туриста
Сидит в своем номере
В Гранд-отеле,
Сидит в одиночку
В измятой постели
И в ярости,
Чертыхаясь со зла,
Сам с собой
Забивает «козла».

Бор. ЮДИН.

ВОТ КАКОЙ РАССЕЯННЫЙ!

Рисунки А. КАНЕВСКОГО

МАЙ

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31

842 ГОДА СО ДНЯ ПЕРВОГО УПОМИНАНИЯ О ЗМЕЕ-ГОРЫНЫЧЕ И 30 ЛЕТ СО ДНЯ ПОСЛЕДНЕГО УПОМИНАНИЯ О НЕМ

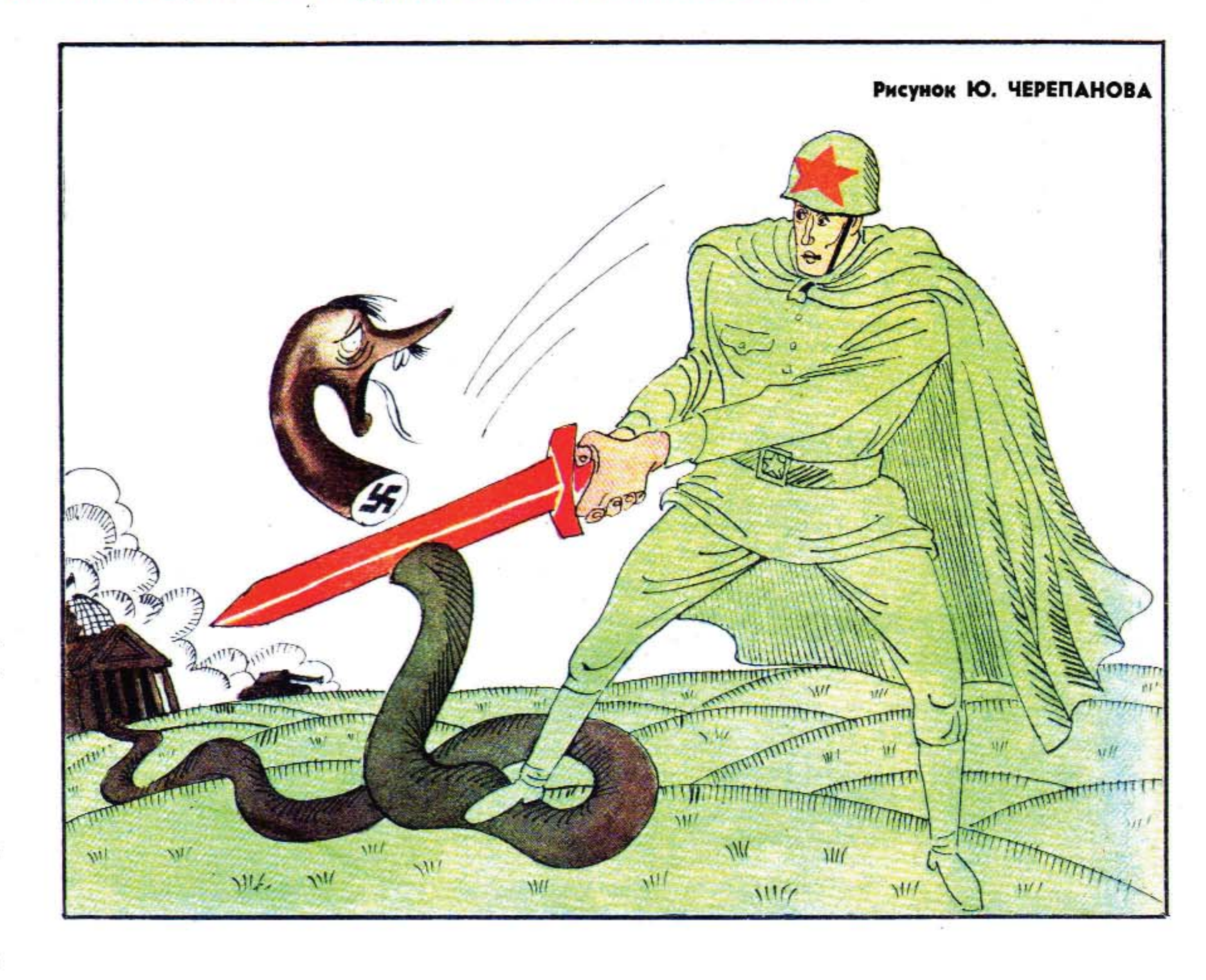

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

ТЕРКИН НА БАМЕ

Не на Волге, не под Курском,
Где сражался горячо,
Не на Первом Белорусском
Или где-нибудь еще...

Стал рабочим человеком,
Строит тридцать лет подряд.
А теперь — на «стройке века»,
Как в газетах говорят.

В шахтах был. И на заводах.
Так на отдых не пора ль!
Нет! Какой там к черту отдых!
Теркин строит магистраль.

Он не на простой работе.
Знать не знал, а быстро вник —
Не стрелок, как прежде в роте,
Нынче Теркин — подрывник.

Уж не молод, скажем прямо,
С поседевшей головой...
А характер тот же самый —
Неуемный. Боевой.

И с такой же доброй шуткой,
Что привыкли ждать друзья,
С той же шуткой-прибауткой,
Без которой жить нельзя.

— Пусть не фронт, пусть на гражданке,
А закон есть неплохой,
Тот, что был у нас в землянке,—
«Стерпим мокрые портянки,
Лишь бы порох был сухой!»

Мы, друзья, не на параде,
А хлопот тут полон рот...
И тайга, сказать по правде,
Не похожа на курорт.

И опять же, не на фронте,
Дым не застит горизонт...
А прикинешь,— будто вроде
По приметам — тот же фронт.

Я солдат и знаю, где я,
Как к победе ищут путь...
Есть, друзья, одна затея,
Дали б только провернуть!

На рыбалку спозаранку
Если выбрался, братва,
Что тут главное! — приманка.
Угадал — твоя плотва.

Рыбка хочет иль не хочет,
Обязательно клюет...
А бригада вся хохочет:
— Ну и Теркин! Вот дает!

Интересно очень даже,
Что задумал Теркин!.. Нет!
Мы-то знаем, да не скажем.
Что болтать зазря! Секрет!

Разве только по секрету
Вам откроем тайну эту,
Поразмыслив, что к чему,
Но уж дальше — никому!

Дело вот какого рода —
Кто ж посмеет запретить! —
Взрыв такой, чтобы породу
В пух и прах разворотить.

И заданье — боевое,
Просто чудо, без прикрас,
Чтоб взрывчатки — меньше вдвое,
Силы — больше в десять раз.

Получил «добро» начальства.
— Ладно, пробуй! — говорят.
Подготовил свой участок,
Выстроил бригаду в ряд.

— Что ж, давай, ребята! Смело!
Время — шесть ноль ноль. Пора!
Нам сперва-то дело сделать,
А потом кричать «Ура!».

Хорошо, что не глушили
Этот теркинский порыв:
Что задумали — свершили.
Час пришел — и грянул взрыв!

Подвели итог моментом: —
Теркин, знай своих людей! —
Триста семьдесят процентов
И отличная оценка!
Во! И никаких гвоздей!

Где же Теркин! Он в бригаде,
Вновь задание дает:
Что, и где, и как наладить.
И твердит опять свое:

Помним — мы не на гулянке,
А закон есть неплохой,
Тот, что был у нас в землянке,—
«Стерпим мокрые портянки,
Лишь бы порох был сухой!»

Докурил. И тем окурком
Запустил через плечо...
Как в былые дни под Курском,
Иль на Первом Белорусском,
Или где-нибудь еще...

Б. МИХАЙЛОВ.

70 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. А. ШОЛОХОВА

ЗАКОРДОННЫЙ КРЮК

Дед Купырь рванул удочку и обомлел: крючок как корова языком слизала. Дед подобрался, подбоченился и, обратя взор на таловые кусты, крикнул:

— Щукарь! Это ты ведь, затычка дегтярная, орудуешь! А ну, вылазь, вражина, студент одноносый!

Из-за кустов показался дед Щукарь и с явной неохотой приблизился к Купырю.

— Никак сазаник балует, кум?

— Ишо гутаришь? Я те такого сазаника покажу. Выкладывай крюк!

— Возьми, сваток! — Щукарь с трудом отцепил крючок с выцветшего околыша фуражки.— А только действия твои дюже на старый прижим смахивают, потому как не по своей воле откусывать крючок я полез, а на это толкнул меня юбиляр наш, Шолохов Михайла, что в Вешенской станице проживает. И кличку свою я через него же получил.

— Ты, дед, не финти. Тот случай сто лет уж как произошел. Ты скажи, сейчас-то зачем тебе крючок?

— Что ж, справный крючок. По всему видать, сват, ты его из-за кордону приспособил.

— Оно так. Найденов Ванька в Гэдээрию за обменом опытом послан был, так вместе с опытом мне и десяток крючков оттель вывез. А тебе-то, повторяю, крючок на что?

— Так ведь окунька либо там щуку за живца...

— Как гляну я, дед, на тебя — был ты недоумок земляной и остался им, кубыть, навсегда. Да ты морду не вороти, слухай, что говорят. Нешто удочкой кто ноне рыбалит? Шиш волосатый ты на удочку в нашей речке споймаешь, вот что!

Из трех своих мосластых пальцев Купырь соорудил наглядное пособие, но Щукарь отвел это сооружение ладонью и, хитро прищурившись, спросил:

— Так. А почему же, извиняй меня, сам-то ты, бугай прошедшего времени, на уду ловишь?

— То-то что не на уду ловлю я. Эта уда токмо для рыбнадзору при мне находится, для отводу глаз, стало быть, а для ловли у меня там, за укосом, в гирле, сетенка раскинута, и отседа я слежу за ней, потому как дюже хорошо видно ее с энтого берегу. Теперь понял, интеллигент пегий?

— Теперь понял,— с несвойственной ему серьезностью ответил Щукарь и, разведя руками, задумавшись, неторопливо зашагал к хутору.

С. СПАССКИЙ.

ИЮНЬ

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30

65 ЛЕТ СО ДНЯ СМЕРТИ О'ГЕНРИ

Питерс, Таккер и инфляция

Мы с Джеффом Питерсом сидели в ресторанчике «Голубая змея» в укромном углу. Перед каждым из нас был стакан с брэнди, и Джефф объяснял мне, как можно совершать честное жульничество, исходя из политики государства.

— Меня, сэр,— рассказывал он,— научил этому Энди Таккер, с которым мы работали тогда в компании и который открыл однажды теорию относительности и продал ее Альберту Эйнштейну за сто долларов.

Так вот, приходит ко мне Энди и спрашивает, что я думаю по поводу инфляции.

— То же самое, что и по поводу грыжи, водянки и гонконгского гриппа,— ответил я.

— Ты перепутал инфляцию с инфлюэнцей,— снисходительно похлопал меня по плечу Энди и изложил свою идею.

Надо вам сказать, что в то время мы располагали суммой в полторы тысячи долларов, которую получили после сбора средств в фонд строительства туннеля под Атлантическим океаном. Этого было вполне достаточно, чтобы добраться до поселка Собачья Гора в Арканзасе и купить там местную бойню вместе с тридцатью коровами. Тут же мы распорядились забить этих несчастных животных и сложили мясо в погреб.

— Теперь,— сказал Энди, потирая руки, как Томас Джефферсон после принятия Декларации независимости,—теперь остается только подождать, пока цены на мясо поднимутся, и сорвать солидный куш.

— А ты не боишься,— спросил я,— что, пока мы будем ждать повышения цен, наше мясо протухнет?

— Нет,— ответил Энди.— Если бы ты читал газеты, то знал бы, что сейчас цены растут чуть ли не каждую минуту.

Так прошло три дня, в течение которых Энди гордо расхаживал по поселку Собачья Гора и говорил:

— Джефф, я думаю, что во всем мире не найти бизнесменов, столь хитрых по части выколачивания прибылей, как фирма «Питерс, Таккер и Сатана». Разве не так?

На четвертый день, проходя мимо погреба, я почувствовал подозрительный душок и позвал Энди. Он покрутил носом, и мы срочно повезли мясо на рынок.

Тут Энди употребил все свое красноречие. Он расхваливал сырое мясо в таких выражениях, что даже у меня кишки заиграли, как оркестр в «Викер-баре» в Нью-Йорке. Вокруг Энди собралась толпа, но ни один не купил и полфунта мяса.

— В чем дело? — спросил я, когда Энди, покачиваясь от усталости, подошел к моему прилавку.

— Эх, Джефф! — ответил он.— Они всем поселком в знак протеста против инфляции и роста цен на мясо подписали бумагу, что будут есть одно вегетарианское!

М. ЗОРИН.

РОВНО СТО ЛЕТ НАЗАД...

...к одному из руководителей Парижского отделения Союза французских писателей, Анатолю Франсу, пришла молоденькая стенографистка, присланная отделом кадров.

— Сколько же слов вы можете застенографировать в минуту! — спросил писатель.

— Сто тридцать.

— Сто тридцать!! — воскликнул Анатоль Франс.— Но где я их возьму!

— Как, мсье, разве у вас нет референтов! — удивилась стенографистка.

44 ГОДА СО ВРЕМЕНИ ВЫХОДА В СВЕТ РОМАНА И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕНОК»

Глава XXVII
СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

— Гражданин Корейко?

Сухонький старичок, который, сидя в качалке возле деревянного небоскреба, мирно читал газету «Заря Востока», удивленно поднял глаза и вежливо ответил:

— Совершенно верно, товарищ участковый.

— Подпольный миллионер?

— И чего пристали к бедному человеку? — захныкал Корейко, зорко скосив глаз на пустынную веранду.

— А чья это новенькая «Волга» стоит, гражданин, не получающий даже пенсии по старости?

— Да это же коляска моей тещи, — неожиданно твердо ответил Александр Иванович и вздохнул. — Документы в наличии, теща в порядке. Чаи гоняет.

— С квартирантами? — Участковый красноречиво кивнул на деревянный небоскреб и тоже вздохнул.

— А вот это уже просто смешно, — грустно ответил Корейко. — Здесь живут мои многочисленные друзья, которые, как порядочные люди, помогают материально одинокому старику, утерявшему во время эвакуации документы о трудовом стаже.

— Очень смешно, — согласился участковый и презрительно сплюнул.

Вытащив наручники, он решительно подошел к Корейко, но тут же получил короткий, очень болезненный удар в плечо и упал на землю. Когда он поднялся, Корейко уже сидел верхом на его спине. Оба тяжело дышали, словно перетаскивали через лужу «Жигули». Из дома донесся молодой здоровый смех, разбавленный некачественной магнитофонной записью песенок Высоцкого.

Не успел участковый оценить обстановку, как Корейко ударил его по шее ребром твердой, как дамасская сталь, ладони, прыгнул за руль и рванул машину с места.

У расписанной золотыми дельфинами веранды Александр Иванович притормозил, молниеносно опустил стекло и негромко сказал кому-то:

— Побуду пока на одной из молодежных строек. Поживу в вагончиках со славными комсомольцами. Опыт, слава богу, есть!

А. ХОДАНОВ.

105 ЛЕТ СО ДНЯ СМЕРТИ Ч. ДИККЕНСА

Мистер Пиквик: — А у меня клуб закрывается на английский замок.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

ИЮЛЬ

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31

120 ЛЕТ СО ВРЕМЕНИ ИЗДАНИЯ СИСТЕМАТИЗИРОВАННОГО СБОРНИКА «НАРОДНЫХ РУССКИХ СКАЗОК» СОБИРАТЕЛЯ ФОЛЬКЛОРА А. Н. АФАНАСЬЕВА

— Ну, поскольку у глупого Емели солидные рекомендации, зачисляем его на научную работу, а Василисе Премудрой придется подождать...

Рисунок М. БИТНОГО

90 ЛЕТ НАЗАД В «ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГАЗЕТЕ» ВПЕРВЫЕ НАПЕЧАТАН РАССКАЗ А. П. ЧЕХОВА «ЛОШАДИНАЯ ФАМИЛИЯ»

КАНЦЕЛЯРСКАЯ ФАМИЛИЯ

Пропала бумага. Бумага была важная. Сверху.

Когда раздался звонок сверху и спросили Антипа Иваныча, что предпринято, он растерялся и ответил, что через полчаса сам позвонит начальству и лично внесет ясность.

И тут же вызвал Петушкова и распушил его за то, что тот даже не докладывал ему об этой бумаге.

Петушков всыпал Егорову. Егоров дал жизни Филькину. Филькин взгрел Хомякова. Самое страшное было в том, что никто не знал, где эта бумага. И все сваливали друг на друга.

— А может, она у этого застряла, у, как его, у Василия Филиппыча? — высказал предположение кто-то.

— У него, обязательно у него! — хором закричали все.

— А где ж он сам?

— Болен вроде. Уж целую неделю стол пустой.

— Вызвать его по телефону. Немедленно чтоб здесь был.

— Нет у него телефона.

— Телеграмму дайте. И решительную.

— Адреса, Антип Иваныч, не знаем ведь. Его вроде на новую квартиру переселять должны были. В адресном столе узнать — это можно.

— Давайте действуйте. Как его там величают?

— Василий Филиппыч... Филиппыч... Вот фамилию не вспомню. Какая-то канцелярская фамилия, типично канцелярская, а какая, не могу вспомнить. Сейчас у Егорова спросим.

Егоров не помнил.

— Может, Чернильников? Управделкин?

— Да нет... не Управделкин. Но точно, что канцелярская.

— Копиркин? Скрепкин? — гадал Хомяков.— Надо Филькина спросить.

Филькин тоже не помнил.

— Долго я буду ждать? — топал ногами Антип Иваныч, выскакивая из кабинета.— Мне через пятнадцать минут ответ дать нужно. Что ж вы фамилию вспомнить не можете? Карандашев? Исходященко? А, чтоб вас!..

— Ведь вот какая чепуха! — с укором говорил Петушков сотрудникам.— Наш работник, за этим столом сидит. Исполнительный такой, бумаги получает. Другим передает. А вы и не знаете, кто он есть. Позор!

— Графиков? Телефонкин? — раздавались бодрые крики из всех комнат. Но все это было не то.

Петушков, бледный, с шалыми глазами, сидел в кресле и прикидывал, кому что будет. Хорошо, если только выговор. А то ведь...

— Только бы вспомнить,— говорил Егоров.— Я бы его за шиворот приволок.

— Стойте! — закричал нечеловеческим голосом Петушков.— Вспомнил! Вспомнил!..

— Антип Иваныч, вспомнил! — заорал он, врываясь в кабинет начальника.— Волокитин ему фамилия. Волокитин!

— Поздно вспомнил! — закричал в ответ Антип Иваныч.—Мне уже по телефону строгача обещали. Кадров своих не знаете. Работнички... Тьфу!

Б. КОВАЛЬ.

195 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П. Ж. БЕРАНЖЕ

Знатный приятель

Я всей душой к нему привязан,
Ему лишь, что ни говори,
Абонементом я обязан —
Сижу! Трибуна номер три.
Известен он везде и всюду,
А я — почти что аноним —
Простой профессор... Врать не буду:
Ведь я червяк в сравненьи с ним,
В сравненьи с ним,
С лицом таким —
С центральным форвардом самим!

Ю. ШАНИН.

154 ГОДА НАЗАД РОДИЛСЯ Н. А. НЕКРАСОВ

Размышления у парадного подъезда

Вот парадный подъезд... Собираясь окрест,
Одержимы кто модой, кто страстью,
Мужики и студенты — искатели мест,
Проходящих терзали на части.
И когда уж совсем приуныли они,
Тощей даме в громадной ушанке
Кто-то крикнул: «Мамаша, десятку гони
За билетик в Театр на Таганке!..»

Ю. ВАДИМОВ.

АВГУСТ

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31

> «И вдруг подходит развратной походкой к блюду и цоп с кремом, жрет. А денег у меня кот наплакал. Самое большое что на три пирожных.
> ...И берет четвертое. Тут ударила мне кровь в голову.
> — Ложи, говорю, взад!
> ...Так мы с ней и разошлись.
> Не нравятся мне аристократки».
>
> Михаил ЗОЩЕНКО, «Аристократка», 1923.

80 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. М. ЗОЩЕНКО

«АРИСТОКРАТКА» И ДРУГИЕ

ПОВОД ДЛЯ РАЗВОДА

(Лирическая поэзия)

До сладкого ужасно падки,
Развратным шагом,
не спеша,
В буфет идут аристократки
И с ними — ты, моя душа.

Глядишь с тоской на куль
пирожных
С не нашим именем — безе,
Суфле заморское тревожно
Отражено в твоей слезе.

Эклеры и наполеоны
Чужим названием манят,
Но почему же макароны
Твой не притягивают взгляд?

В компаньи хиппи-тунеядцев,
В плиссе, гофре и неглиже
Бисквитом жаждешь ты
питаться
И даже — боже! — бланманже.

Но спохватился я, на
счастье,
И не войдет в мой дом беда:
Заморские, чужие сласти
Нас разлучили навсегда!

ТРЕТЬЕ ЛЕТО В БУФЕТЕ

(Роман из деревенской жизни)

После спектакля в сельском клубе Егорша Необтёсов — первый охальник, глаз синий в щелку, с подмигом, в рыжей окладной бороде — ни единой пожухлой волосины, голова медная набок, в скобку стрижена подрубом,— вместях с Дуняркой Напраслиной прошли в задоски, заглянули в девочешник — закуток при буфете, промеж амбара и бревенчатого подклета.

Дунярка — деваха фигуристая, полногрудая, лютая на любовь, в кирзовых обутках на высоком каблуке, с суконными голяшками, в стираном аглицком ватнике из мохнатой собачины — горожаха шикарная, постоянный кадр на лесопункте. Опершись затылком об изгородь телятника спереди заулка, выгребла из берестяной корзины увесистую ячменную буханку, с остервенением вгрызлась — коричневая пропеченная корочка аж запищала, заскрипела на ядреных зубах молодки. Съела натощак другую кирпичину, третью, втихаря за четвертую взялась. Даже глазом не моргнула, бесстыжая.

У Егорши дыхало перехватило. Ширнул носом, свернул цигарку-самокрутку, вздохнул про себя: «Баба — как лошадь, у каждой свой норов. И брюхо наперед головы думает. Чистая аристократка, хоть сколько смелет». Шуганул:

— Ты бы зря четвертую-то не гвоздала, волосатка бессовестная! Грыжу наживешь, животом будешь маяться. От людей стыдно.— Он почесался босыми потрескавшимися ногами, пальцы подогнуты, пол коггят, выкованы будто по заказу. Лапами бог не обидел, а мозги наберекрень.

У Дунярки на обветренных веснушчатых щеках заходили желваки. Цокнула языком, огрызаясь:

— Ну-ко отвяжись, злыдень, пень трухлявый! Хватит зубанить-то, ну тя к лешему! Очумел, кажись? Я кабыть при живом муже на деревянной каше выросла, дак отощала вся.

Егорша тряхнул волосней, зашел в дровяник, схватил с взвоза грабь — длинную жердь, хмыкнул, огрел Дунярку промеж лопаток и, скрипя полатницами, ушел спать на поветь, в овечий хлев.

На том и разошлись.

ХАХАТУРА-МОДЕРН

(Опыт ритмической прозы)

Уютным днем фланируя бесцельно хиляющей развратною походкой, с чувихой, на Бриджит Бардо похожей, в буфет мы заглянули театральный, где всякие изысканные яства — все самый высший прима-экстра-класс: спагетти, апельсины из Марокко, сухой мартини, бренди и чинзано, из Халигалии тартельки расписные и прочий в том же роде закусон. Как вдруг Бриджит хватает прямо с блюда тартельку с кремом — цоп, другую, третью, и вот уже четвертую кусает (а у меня башлей лишь на три штуки, поскольку конипредки не снабдили), и, побренчав цепочкою на джинсах, я ей сказал ритмическою прозой, поэмой модерновою экстаза: «Ложи пирожное назад!» А мне из-за прилавка отвечает буфетчик — Нехороший Человек: «С вас за четыре скушанных пирожных — шесть гульденов. Клади на бочкотару!». «Хе-хо-ху-ха! — сказал я, усмехаясь, как истому пристало супермену,— фуфло, и лабуда, и хахатура! Ведь это абсолютная туфта!» Затарился, затюрился буфетчик и желтым затоварился цветком... И мы ушли из этого буфета, и я сказал: «Приветик, хали-гали, а я теперь до хаты похиляю, поскольку не терплю аристократок»,— и, клешем подметая мостовую, мы разошлись, как в море корабли.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ЧЕТВЕРТОГО ПИРОЖНОГО

(Научно-популярный очерк)

Судьбы научных идей драматичны. Задолго до открытия кварков, фотонов и пи-мезонов в мире уже существовали пирожные с кремом. Немецкий ученый Макс Планк, открывший, что энергия излучается и поглощается отдельными порциями, назвал их квантами — от латинского «квантум», что значит «сколько». Он не подозревал, что от квантовой механики до квантованных эклеров один шаг...

Квантум! «Квантум сатис»? Нет, «квантум схватишь»! Можно схватить с блюда в театральном буфете два, даже три пирожных. И поглотить их отдельными порциями. Но ведь всякое вещество прерывисто, зернисто. Прерывисты ли птифуры? Зернисты ли наполеоны? И можно ли, наконец, считать съеденным пирожное, которое только надкусано?

Нужен был гений Альберта Эйнштейна, чтобы ответить на эти вопросы, поставленные самой Природой. Все в мире относительно, в том числе и степень надкуса — таков был главный вывод из общей теории относительности.

Механистический детерминизм буфетчика, потребовавшего уплатить за нескушанный эклер, доказывал его полное непонимание макроскопических изменений вещества. Ведь вероятность съедения четвертого пирожного по формуле $E = mc^2$ неизбежно приводила к возрастанию общей энтропии буфета.

Вскоре это убедительно доказали опыты Резерфорда, Нильса Бора и Петра Капицы в Кавендишской лаборатории. Но об этом — в следующей книге...

Владимир ВОЛИН

140 ЛЕТ СО ВРЕМЕНИ ПУБЛИКАЦИИ «СКАЗКИ О РЫБАКЕ И РЫБКЕ» А. С. ПУШКИНА

...Ничего не сказала рыбка. Рисунок М. УШАЦА

132 ГОДА НАЗАД ПОЯВИЛСЯ СБОРНИК БАСЕН И. А. КРЫЛОВА

А Васька слушает да ест. Рисунок Г. ВАЛЬКА

СЕНТЯБРЬ

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30

140 ЛЕТ НАЗАД ВЫШЕЛ В СВЕТ СБОРНИК ПОВЕСТЕЙ Н. В. ГОГОЛЯ «МИРГОРОД»

КОНЧИНА АФАНАСИЯ ИВАНОВИЧА

Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна жили в чудесной двухкомнатной квартире с лоджией, в уединенном микрорайоне, застроенном крупноблочными домами, зеленом и тихом, несмотря на близость троллейбусной линии и станции метро, от которой можно в десять минут домчаться до центра с его театрами, музеями и другими достопримечательностями.

Обе комнаты квартиры, а также симпатичная кухня были обставлены теми неповторимыми гарнитурами, которые создают милый сердцу уют и радуют душу, то есть всеми этими сервантами, журнальными столиками, торшерами, салфетками, коврами с лебедями и без, которые содержатся в строгом, заранее продуманном порядке. Пульхерия Ивановна была большая хозяйка и собирала все, хотя иногда сама не знала, на что оно потом употребится. Ни одна книга, ни один журнал не лежали, небрежно оставленные после чтения, по той простой причине, что ни книг, ни журналов Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна не жаловали как в будние дни, так тем более в выходные.

В субботу, едва проснувшись и напившись кофию, Афанасий Иванович обыкновенно говаривал:

— А что, Пульхерия Ивановна, не посмотреть ли нам телевизор?

— Можно и посмотреть, Афанасий Иванович,— отвечала Пульхерия Ивановна, после чего Афанасий Иванович приближался к телевизору с экраном шестьдесят пять сантиметров по диагонали, включал его и ложился по соседству на тахту.

— Утренняя гимнастика,— говорил он, зевая.

— Вот и хорошо,— кивала Пульхерия Ивановна.

Афанасий Иванович с приятной улыбкой смотрел гимнастику, потом, выключивши телевизор, решал отдохнуть часок-другой. Подремав, он открывал глаза и говорил:

— Чего бы такого еще посмотреть, Пульхерия Ивановна?

— Чего бы такого? — повторяла Пульхерия Ивановна.— Ну разве... вот есть «Научно-техническая информация и расстановка кадров».

— Пожалуй,— кивал Афанасий Иванович и смотрел на экран.

После передачи Афанасий Иванович закушивал и отдыхал, потом обедал и опять спрашивал:

— А не посмотреть ли третью программу, Пульхерия Ивановна?

— И то дело,— говорила Пульхерия Ивановна.— Вот, к примеру, есть для студентов-заочников теоретическая механика...

— Что ж,— соглашался Афанасий Иванович.— Попробуем, как оно будет...

Но в одну из суббот случилось печальное событие, внезапно изменившее жизнь этого мирного уголка. Подошедши включать свой телевизор, Афанасий Иванович как ни поворачивал красивые ручки, как ни крутил гофрированные колесики, как ни нажимал блестящие кнопочки,— ни звука, ни света, ничего, ровным счетом ничего не извлекалось.

Первую неделю после того, как увезли телевизор в ателье, Афанасий Иванович крепился, на вторую неделю занемог, да так, что никакие облатки не помогали: сохнул, кашлял, таял, как свеча, и, наконец, по прошествии трех месяцев угас, как любимый им телевизор.

Пульхерия Ивановна недолго после того жила, лишившись любимой передачи «Спокойной ночи, малыши!». Словом, обстоятельства кончины ее имели какое-то сходство с кончиною Афанасия Ивановича.

М. РАСКАТОВ.

190 ЛЕТ СО ВРЕМЕНИ ВЫХОДА В СВЕТ ПОЛНЫХ «ПРИКЛЮЧЕНИЙ БАРОНА МЮНХГАУЗЕНА» Э. РАСПЕ

МЮНХГАУЗЕН-74

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

170 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Г.-Х. АНДЕРСЕНА

Г. КОРОЛЬ И «ЭКСПОМА»

Жил-был на свете некий тов. Г. Король, который некоторым образом отвечал за внедрение отдельных материалов в отдельные отрасли промышленности. Он очень гордился своим положением и ходил так важно, словно на его плечах был не пиджак с разрезами, а мантия без разрезов. Но, к сожалению, как иногда случается, был этот Король без царя в голове.

Работал он главным образом за обеденным столом, а отдыхал на совещаниях, до которых был великий охотник: наш герой почти каждый день задавал совещания, на которых лилась не музыка, а речи.

Но вот однажды ему доложили, что уже давно и упорно добиваются аудиенции два молодых инженера, которые-де изобрели какую-то особенную ткань. Она, мол, прочна, как сталь, легка, как лебяжий пух, водоотталкивающа, теплоизоляционна и при этом абсолютно прозрачна. Словом, совершенно незаменима для всяческой промышленности.

— Не может быть! — промолвил Король.— Если бы это была правда, то я узнал бы обо всем не снизу, а сверху... А ты как думаешь? — обратился он к своему помощнику.

— Да мошенники они! — воскликнул тот с готовностью.— Я вспоминаю, что нечто подобное уже было когда-то и у кого-то. Если не ошибаюсь, один не то детский, не то датский сказочник изобразил такую ситуацию... «Голый король», что ли, называется сказка...

Так и не попали к нему на прием изобретатели. У Г. Короля было железное правило: на работе он не принимал посетителей, а дома принимал только пищу.

Но вот однажды состоялась международная выставка новых материалов «ЭКСПОМА». Это было поистине сказочное зрелище. Самое интересное, самое новое, самое яркое и удивительное со всех концов света было здесь. А одна фирма из страны, названия которой наш герой даже не слышал, а если бы и слышал, то все равно бы не выговорил,— так вот, эта фирма выставила новинку: материал точь-в-точь такой, какой уже давно и безуспешно пытались внедрить упомянутые выше молодые инженеры.

Так сам себя разоблачил Г. Король. Под пиджаком-мантией оказалось абсолютно голое место. И действительно, не оценить значение нового чудо-материала мог только человек, который либо не на своем месте, либо непроходимо глуп. Поскольку наш герой отвечал сразу этим двум требованиям, он и вылетел мгновенно со своего места. А куда вылетел, неизвестно, поскольку ни в одной кассе агентства «Ковер-самолет» его билет не зарегистрирован. Можете сами проверить.

Им. ЛЕВИН.

230 ЛЕТ СО ДНЯ СМЕРТИ Дж. СВИФТА

ЛИЛИПУТЫ И ГУЛЛИВЕРЫ

Главарь кровожадных чилийских
путчистов
В стремленьи смирить патриотов
неистов.
Вещает сторонник драконовских мер:
— Они — лилипуты, а я — Гулливер!

Правитель ЮАР игнорирует право:
Творит он расправы налево-направо.
На черных шипит белокожий
премьер:
— Они — лилипуты, а я — Гулливер!

Унять демократов желает скорее
Продажный диктатор
из Южной Кореи.
Стреляет в толпу на фашистский
манер:
— Они — лилипуты, а я — Гулливер!

Старается каждый мучитель
напрасно:
Движенье прогресса ему
не подвластно.
Избавятся всюду народы от пут:
Они — Гулливеры, а он — лилипут!

Н. ЭНТЕЛИС.

ОКТЯБРЬ

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31

90 ЛЕТ НАЗАД В «ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГАЗЕТЕ» НАПЕЧАТАН РАССКАЗ А. П. ЧЕХОВА «УНТЕР ПРИШИБЕЕВ»

ГРАЖДАНИН ПРИШИБЕЕВ

— Гражданин Пришибеев! Вы обвиняетесь в том, что третьего сентября учинили публичный скандал на улице Вишневского и нанесли материальный ущерб лейтенанту милиции Воробьеву — в виде оторванной казенной пуговицы. Признаете вы себя виновным?

Пришибеев, сморщенный старик с колючим лицом, делает руки по швам и отвечает сиплым басом:

— Гражданин народный судья! Ежели так, то не могу знать, но только виновен не я, а остальные. Все это дело вышло из-за паскудного волка. Иду я спокойненько по улице, как вы правильно упомянули, Вишневского и вдруг глазам своим не верю: шагает впереди меня дамочка в штанах и в ботинках на перроне...

— На платформе,— перебивает его потерпевшая.

— ...и у ней сзади на майке намалеван натуральный волк с лозунгом «Ну, погоди!». Нешто в законе сказано, чтобы женщины с волками ходили? Кричу ей: «Стой! Почему,— говорю,— допускаешь такое безобразие? И что означает твоя угроза: это кому годить? Общественности?»

— Позвольте, а какое вам, собственно, дело, что у нее нарисовано на одежде? — спрашивает судья.

— Вот именно, какое? — вскакивает потерпевшая девушка.— Схватил меня за руку и орет: «Снять!» Я от него отбиваюсь, а он все равно!

— Подождите, вы еще успеете дать показания,— говорит судья.— Пришибеев, продолжайте.

— Слушаюсь,— басит старик.— Тут откуда ни возьмись милиционер прибежал. Когда людей грабят, их не докличешься, а здесь — здрасьте! И сразу меня усмирять. Ну, тут я осерчал. По какому такому основанию, спрашиваю, меня в отделение? Нешто это по закону, когда женщины с волками на спине ходят? А лейтенант на мои слова только смеется. Все видели, как он смеялся, все! Обидно мне стало, я рванулся и...

— И форму ему порвал вместе с пуговицей,— опять вставляет потерпевшая.

— Довольно! — говорит судья и начинает допрашивать свидетелей.

Пришибееву дают десять суток.

— За что? — кричит он.— По какому закону? Где это написано, чтоб из любви к порядку сажали под арест? Как ваша фамилия, гражданин судья? Как? — Пришибеев достает из кармана бумажку и что-то на ней записывает.— Я жаловаться буду. До Верховного суда дойду! В «Крокодил» сообщу! Еще наплачетесь! — И с достоинством идет отбывать свой срок.

Мих. КАЗОВСКИЙ.

231 ГОД СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Д. И. ФОНВИЗИНА

ВОДОРОСЛЬ

(хамедия в одном действии)

ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЛИЦО — Правдина, жилица.
БЕЗДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЛИЦО — Митрофан Скотинин, техник-смотритель.
ПРОТИВОДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЛИЦО — Простакова, секретарь.

Скотинин сидит за столом, выражая на лице свою фамилию. Перед ним переминается с больной ноги на здоровую Правдина.

СКОТИНИН. Еще намедни говорил: крыть нечем.

ПРАВДИНА. Но ведь с потолка течет!

СКОТИНИН. Ну даешь, старина! Да где же это видано, чтобы в дыру не текло?! Наука есть физика. С нее и спрос.

ПРАВДИНА. А чтобы дверь отремонтировать, тоже нужно к Ньютону обращаться?

СКОТИНИН. Насчет двери имеете право пожаловаться в РЖУ к товарищу... как вы его назвали?..

ПРАВДИНА. Извините, с вами действительно не о чем говорить. Митрофанушка какой-то...

СКОТИНИН. А чего извиняться? Я и есть Митрофан...

Правдина, тяжко вздыхая, выходит. Скотинин нажимает кнопку. Медленно вплывает в комнату Простакова.

ПРОСТАКОВА. Вызывали, Митрофан Митрофанович?

СКОТИНИН. Опять на работе спали? Выспались хоть?

ПРОСТАКОВА. Да какое там! Всякая дрянь в глаза лезла.

СКОТИНИН. Какая же дрянь, Простаковушка?

ПРОСТАКОВА. Да все они, жильцы наши. И так мне жалко стало...

СКОТИНИН. Кого же, родная?

ПРОСТАКОВА. Вас, разлюбезный мой Митрофанушка. Попробуй-ка от всех от них отбиться... Вообще, смотрю я на вас и не перестаю восхищаться. Ведь ни один же человек не догадается, что у вас полтора высших образования. Это ж надо уметь—Митрофанушкой прикидываться!

СКОТИНИН. Да, нелегкое это дело, мать. Не сразу в роль вошел. А зачем? С дурака спрос меньше, а зарплата такая же. Ну вот что, родная, я пошел. Сегодня у приятеля большая пулька. (Уходит.)

ПРОСТАКОВА (вслед). Мягок, игрив, скользок, постоянно вроде в движении, а ни с места. Ну чистый водоросль!

КОНЕЦ,
которого пока не видно.

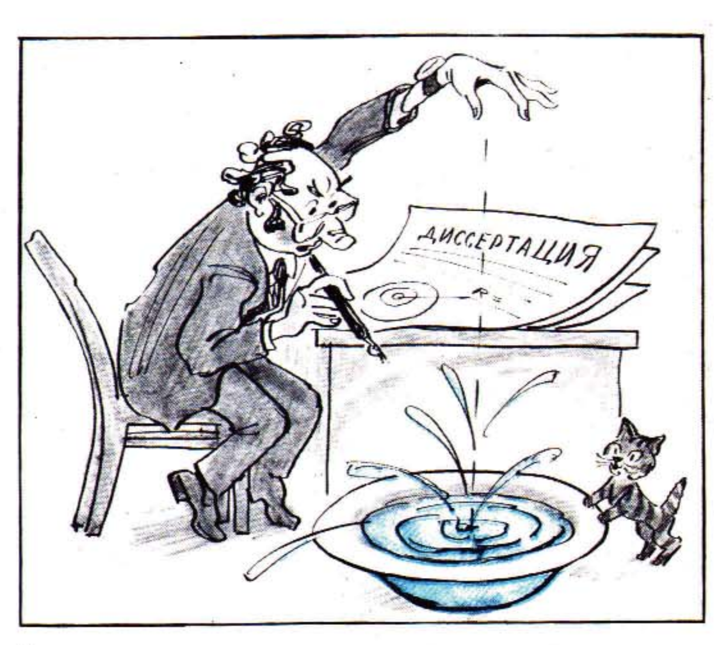
И. ИЛЬИН.

120 ЛЕТ НАЗАД ВПЕРВЫЕ ПОЯВИЛИСЬ АФОРИЗМЫ ЗА ПОДПИСЬЮ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА

Где начало того конца, которым оканчивается начало?

Рисунок К. НЕВЛЕРА

Бросая в воду камешки, смотри на круги, ими образуемые, иначе такое бросание будет пустою забавою.

Рисунок В. ЖАРИНОВА

Бди!

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

НОЯБРЬ

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30

105 ЛЕТ СО ВРЕМЕНИ НАПИСАНИЯ М. Е. САЛТЫКОВЫМ-ЩЕДРИНЫМ «ИСТОРИИ ОДНОГО ГОРОДА»

ИЗВЛЕЧЕНИЕ № 8

ИЗ «ОПИСИ ТРЕСТОНАЧАЛЬНИКАМ»

...БРУДАСТЫЙ, Дементий Варламович. Назначен впопыхах для укрепления руководящего звена треста. Бывший тренер футбольной команды «Глуповец», к третьей лиге относящейся.

Новый трестоправитель оказался молчалив и угрюм. Едва вломившись в вестибюль и увидя выделенную для встречи депутацию, он тут же извлек судейский свисток, свистнул, объявил всем присутствующим по выговору в приказе и, сверкнув глазами, произнес: «Всех вас под оргвыводы!». После чего новый трестоправитель заперся в своем кабинете, не ел, не пил, по личным и прочим вопросам народонаселение не принимал, а все что-то скреб авторучкой.

По временам он выбегал в приемную, кидал пачку исписанных листков, провозглашал: «Всех под оргвыводы! Офсайд!» — и исчезал.

Вечером на доске объявлений появилась копия приказа № 13 по тресту.

«В целях наилучшего обеспечения города жидкими, твердыми и газообразными субстанциями, приказываю:

а) Отдел жидкого снабжения переименовать в отдел твердого обеспечения.

б) Отдел твердого снабжения — в сектор газообразного наполнения.

в) Остальных уволить по собственному желанию.

Подпись: Д. Брудастый»

Приказ произвел на трестовцев парализующее действие.

Все замерло, будто перед грозой. Вечером того же дня к Брудастому был срочно вызван радиотехник Лайдаков, недавно прошедший курс лечения в антиалкогольном опорном пункте.

Трестоправитель поманил вошедшего Лайдакова и молча подал ему бумагу, на коей было написано:

«Не удивляйся. Произведи ремонт и чистку сему. Замени предохранители. Ленту ставь тип 6 или японскую. Стабилизируй обороты, а то плывет звук. Сделаешь — получишь квартальную премию. Не сделаешь — уйдешь по собственному желанию».

После этого трестоправитель снял с себя собственную голову и передал ее Лайдакову. Лайдаков поначалу очень испугался, потому что ему показалось, что его недолечили в опорном пункте, однако, рассмотрев ближе переданный ему предмет, Лайдаков нашел, что по схеме он близок к магнитофону «Яуза», может работать как от сети, так и от батареек, однако сильно запылен, а единственная кассета с записью нетрудных музыкальных пьес сильно поистерлась. Пьес этих было две: «Всех вас под оргвыводы» и «Офсайд».

Когда двадцать минут спустя из кабинета повалил дым и туда вбежали члены добровольной пожарной дружины, все было кончено: в обугленном футляре никто не мог распознать мыслительного органа бывшего трестоправителя. Лайдаков, как выяснилось позднее, от волнения подключил трестоправителеву голову в сеть с напряжением в 220 вольт без понижающего трансформатора.

Лайдакова направили долечиваться за счет предприятия, ибо все, что он рассказывал о запчастях для головы главы учреждения, выглядело причудливо и недостоверно.

Устин МАЛАПАГИН.

140 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МАРКА ТВЕНА

Ждите и улыбайтесь!

— Вы, возможно, помните, дорогие товарищи, как я красил в свое время забор. Мой родитель Марк Твен задал мне нелегкую задачку: забор имел тридцать ярдов в длину и девять футов в высоту. Я сделал вид, что работа мне необыкновенно интересна, и вскоре ребята буквально вырывали у меня кисть.

Что из этого следует? Если вы хотите приучить своих детей к труду, делайте вид, что вы в восторге от мытья посуды, стирки, уборки и так далее.

Во время подметания полов рекомендуется исполнять па-де-де с веником или танец всадников верхом на щетке (в постановке И. Моисеева). Моя посуду, напевайте что-нибудь оптимистическое, вроде песенки «Я люблю тебя, жизнь». При стирке белья закатывайте глаза в экстазе, а вытирая пыль, причмокивайте от удовольствия.

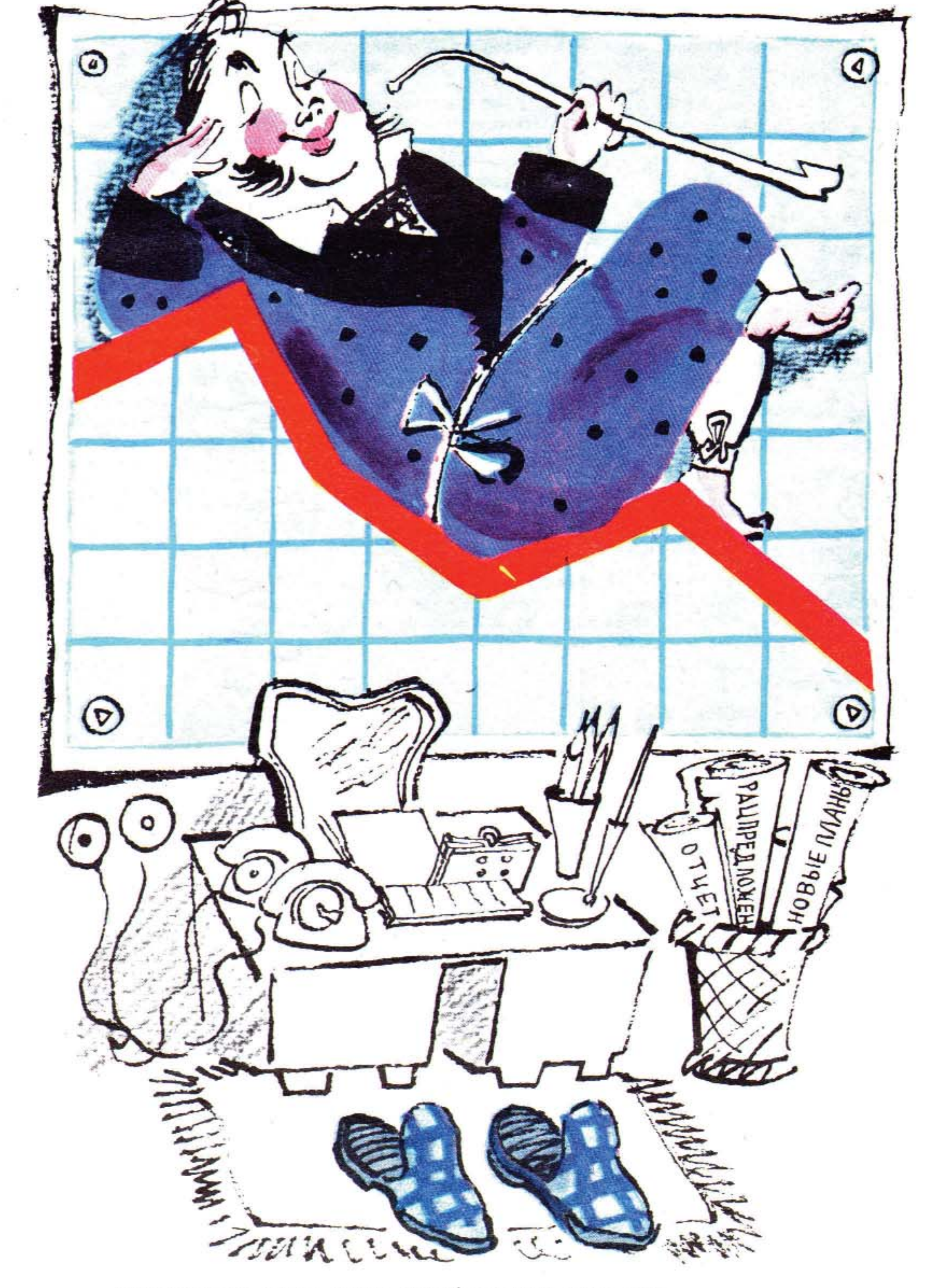
Вопрос из зала: Я уже десять лет жду, пока дочь вырвет у меня веник. Сколько еще ждать?

— Улыбайтесь. Улыбайтесь терпеливо. Улыбайтесь год, два, десять, двадцать лет. Кто-нибудь да вырвет в конце концов у вас веник. Или вы его просто выроните от старости. Главное — терпение. Вот пример из моей собственной практики. Долгое время я делал вид, что мне необыкновенно приятно мыть наш «Москвич». И коечего, надо сказать, я уже добился. Я, правда, еще мою машину, но ездит на ней уже мой восемнадцатилетний сын.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ КАНДИДАТА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК Т. СОЙЕРА НА РОДИТЕЛЬСКОМ СОБРАНИИ.

Записал З. ЮРЬЕВ.

126 ЛЕТ НАЗАД В «ЛИТЕРАТУРНОМ СБОРНИКЕ С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ» ОПУБЛИКОВАН РАССКАЗ А. И. ГОНЧАРОВА «СОН ОБЛОМОВА»

«Грезится ему, что он достиг той обетованной земли, где текут реки меду и молока, где едят незаработанный хлеб, ходят в золоте и серебре».

Рисунок М. СКОБЕЛЕВА

ДЕКАБРЬ

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31

РОВНО СТО ЛЕТ НАЗАД...

...два молодых драматурга-малоформиста обвинили друг друга в том, что один похитил у другого сюжет пьесы. Разрешить инцидент пригласили внештатного консультанта местного отделения Комитета по авторскому праву Бернарда Шоу. Он попросил обоих литераторов прочитать свои творения.

— Ну, кто же обворован? — спросили Бернарда Шоу.

— В. Шекспир.

...некий молодой поэт прочитал Вольтеру свою поэму и замер в ожидании.

— Вот что я вам могу сказать, молодой человек,— произнес Вольтер после большой паузы,— такого рода вещи вы сможете писать, когда будете секретарем Союза писателей. До этого вам придется писать значительно лучше.

135 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. ДОДЕ

ПОКРОЙТЕ СЕБЯ ФЛАНЕЛЬЮ...

Неустрашимый, великий, несравненный Тартарен из Тараскона — маленький, коренастый, в рубашке и фланелевых кальсонах, с густой короткой бородой и пылающими глазами — сидел на диване в собственном кабинете и, скрипя зубами от бессильной ярости, стучал кулаком по лежащей перед ним на столике политической карте Африки.

Но прежде, чем мы объясним причину потревоженного душевного состояния нашего тарасконского рантье, отметим, что кабинет его был увешан сверху донизу ружьями и саблями. Тут можно было найти оружие всех стран света: карабины, пищали, мушкетоны, корсиканские ножи, малайские кинжалы, мексиканские лассо — всего не перечислишь. И все это взывало к нему: «На бой! На бой!»

Душа Тартарена жаждала колонизаторских авантюр. Но кого колонизировать? Алжир? Поздно. Независимая, самостоятельная Алжирская Народная Демократическая Республика согласилась бы допустить Тартарена лишь в качестве безоружного интуриста.

Но есть же Конго! О, сладостные, пышнозеленые, несметно богатые земли по обоим берегам полноводной Конго! Тартарен вскакивал с дивана, подтягивал на ходу фланелевые кальсоны и срывал со стены сначала кистень с железными шипами, а затем трость с сокрытым в ней клинком. Но когда он снова склонялся над политической картой Африки, оружие упадало на ковер из рук Тартарена. Поздно... Поздно... Даже одни названия — Республика Заир и Народная Республика Конго — лишали пылкого тарасконца последних иллюзий. Однако миг спустя он снова воспламенялся и звал горничную:

— Жаннета! Я так хочу покрыть себя славой завоевателя Африки!..

— Покройте себя лучше фланелью, сударь.

— Где мои боевые друзья — аптекарь Безюкэ и храбрый командир Бравида, отставной начальник ротной швальни? Позовите их! Я сформирую из них экспедиционный корпус.

— Ах, сударь, ну что вы, право! Из Африки давно ушли английские, французские, итальянские и бельгийские гарнизоны. Сейчас складывают багаж португальцы, а вы — «корпус, корпус...». Прикройте-ка лучше свой корпус фуфайкой. А я подам вам шоколад.

И Жаннета приносила превосходный, горячий, подернутый блестками ароматный шоколад с вкусными анисовыми сухариками.

Вот почему Тартарен больше никогда не покидал Тараскона. И очень правильно делал.

М. ВИЛЕНСКИЙ.

160 ЛЕТ НАЗАД НА СЦЕНЕ АЛЕКСАНДРИНСКОГО ТЕАТРА ПОСТАВЛЕНА КОМЕДИЯ Ж. Б. МОЛЬЕРА «МНИМЫЙ БОЛЬНОЙ»

«МНИМЫЙ БОЛЬНОЙ» Рисунок М. ВАЙСБОРДА

440 ЛЕТ НАЗАД БЫЛ ОПУБЛИКОВАН РОМАН Ф. РАБЛЕ О НЕОБЫКНОВЕННЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЯХ ГАРГАНТЮА И ПАНТАГРЮЭЛЯ

ТРАГЕДИЯ ГАРГАНТЮА

Рисунок В. ШКАРБАНА

140 ЛЕТ НАЗАД Н. В. ГОГОЛЬ ЗАКОНЧИЛ СОЧИНЕНИЕ КОМЕДИИ «РЕВИЗОР»

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ТЫСЯЧ АВТОГРАФОВ

Привыкши жить, как говорит Франсуаза Саган, comprenez vous, среди столичной мишуры, нет-нет да и потянет в глубинку, даже в глухомань. Туда, где буреломы, буераки, леспромхозы, медведи-шатуны, прораны, котлованы, общепит из трех блюд, все ходят в передовиках, в ватниках и сапогах,— словом, передний край, как пишут газеты. Выхожу из вертолета в чем столица родила: дубленка «Made in Paris», туфли «Made in Benilux», сам «Made in Charodejka». Я не люблю церемоний: напротив, я даже стараюсь проскользнуть незаметно. Но никак нельзя скрыться, то есть положительно невозможно. Еще бы! Сам Иван Александрович Хлестаков, литератор божьей милостью, помазанник классиков, приехал к своим читателям. «Гляньте в окно,— говорят мне.— Видите, что вы наделали своим приездом?» А за окном народу тьма-тьмущая. «Куда ж они направляются?» — спрашиваю. «К вам, Иван Александрович, к вам, читатели ваши, хотят вас это самое...» И верно, сплошь одни читатели, читатели, читатели, можете себе представить, тридцать пять тысяч одних читателей, и у каждого в руке моя книжка. На книжной базе один чиновник, этакая крыса, не знал, что с ней делать, в культурных центрах ее не покупают из-за скверной бумаги, мне так и пишут: «Дорогой, любимый и так далее, не хотим читать вас на скверной бумаге»,— а тут, в глубинке, на литературу голод, тут на оберточной рады читать, весь тираж и расхватали мгновенно, хотя к книжке в нагрузку прилагался растворимый кофе, такая, признаться, гадость. Начитались и теперь требуют автора. Такого я, право, не ожидал. Читатели круговой плотиной стоят, за ними тайга с медведями, куда тут денешься. Даже среди читателей один медведь бродит, прирученный, всеобщий любимец, тоже в лапе моя книжка, не выпускает ее из когтей, даже когда лапу сосет. Бывало, как завидит меня, трубит: «Ыываан Шааныыч»,— что значит «Иван Александрович». И книжкой норовит, не лапой, а книжкой, этакая занятная каналья. Читатели медведя отогнали, а меня стали просить вернуться в Москву, а то что же станет с мировой литературой, если медведь меня... И какие скромные люди! Просили меня о них не писать, поняли, с кем имеют дело.

«Вы,— говорят,— Иван Александрович, про нас в своих произведениях ни словом не упоминайте, не заслужили мы вашей легкости необыкновенной в мыслях и вашего бойкого пера, не про нас они, в чем убедила ваша книжка».

И, это даже трудно вообразить, все тридцать пять тысяч читателей подарили мне по экземпляру моей книжки с благодарственными надписями. Словом, весь тираж. А надписи сделаны до того от души и полноты читательских чувств, что при дамах, право, и огласить их будет нескромно. Много ли найдется нашего брата писателя, у которого полки ломятся от собственных книг с читательскими автографами?

Н. МОНАХОВ.

МОИ ПРЕМИИ

Редколлегия рассмотрела кандидатов на традиционные ежегодные крокодильские премии и твердо постановила присвоить звание лауреата премии «Крокодила» за 1974 год следующим товарищам:

Виктору АРДОВУ — за рассказ «Двое в одной проруби» (№ 9) и пародию «Легкого вам пара, друзья!» (№ 34).

Сергею БОДРОВУ — за фельетоны: «Дело о «бормотухе» (№ 4), «Задача для академиков» (№ 17).

Марку ВАЙСБОРДУ — за темы к рисункам: «Огни большого города или новые времена» (№ 10), «Триумфальная арка в честь независимости Кипра (проект НАТО)» (№ 31).

Михаилу ВЛАДИМОВУ — за фельетон «Лохматая рука» (№ 22).

Алексею ГОЛУБУ — за фельетон «Сумка дипкурьера» (№ 34).

Бане ЙОВАНОВИЧУ (Югославия) — за рассказы: «Кто за твоей спиной?», «Товарищ За и товарищ Быть-по-сему» (№ 5).

КУКРЫНИКСЫ (Михаилу КУПРИЯНОВУ, Порфирию КРЫЛОВУ, Николаю СОКОЛОВУ) — за рисунки: «Самооборона» (№ 4), «Лев: — Мне бы такую гриву!» (№ 34).

Валерию МОХОВУ, Владимиру МОЧАЛОВУ — за темы к рисункам: «Строитель! Дал слово — держи!» (№ 9), «— Граждане, разрешите позвонить, за мной хулиган гонится!» — «Пожалуйста!» (№ 33).

Борису САВКОВУ — за рисунки: «— Свежие?» — «Только со склада!» (№ 8). «—Итак, я ваш новый начальник. Курите?» — «Теперь буду!» (№ 29).

Леониду СОЙФЕРТИСУ — за рисунки: «Придется сходить за больничным: все бока отлежал...» (№ 21), «—Грузим мы вручную, разгружаем вручную, а вот до механизации у начальства руки не доходят...» (№ 33).

Леониду ТРЕЕРУ — за рассказ «Белая коза» (№ 13).

Гарри ФРИМЭНУ (США) — за памфлеты: «Кассета мадам Жижи» (№ 1), «Банкроты и банкроты» (№ 17).

В. АРДОВ

С. БОДРОВ

М. ВАЙСБОРД

М. ВЛАДИМОВ

А. ГОЛУБ

Б. ЙОВАНОВИЧ

КУКРЫНИКСЫ

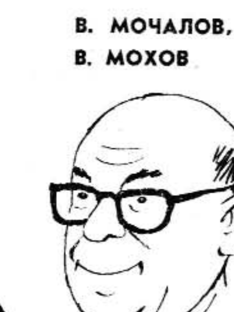

В. МОЧАЛОВ, В. МОХОВ

Б. САВКОВ

Л. СОЙФЕРТИС

Л. ТРЕЕР

Г. ФРИМЭН

МИМОХОДОМ

И в маске ягненка смотрел на всех волком.

Годы ее не старили — старила метрика.

Бери пример со Старого года: уходит, уступая место молодому.

Новый вариант: «В лесу рубилась елочка...»

В клубе было так холодно, что умудрились заморозить даже Деда Мороза.

С. МАРКОВ.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Звенят, как
колокольчики,
Детишки во дворе —
Сережи, Тани, Олечки,
Серьезные в игре...
Когда зайти случается
Мне в детский сад
во двор,
Любуюсь, как
свершается
Естественный отбор».

(Из стихотворения П. Рощупкина).
Газета «Октябрьские зори»,
г. Старый Оскол.

«Дом культуры с завтрашнего дня начинает культурное обслуживание посетителей».

(Из объявления).
Выписал Г. Козлов,
г. Братск.

«Объявить строгий выговор руководителю духового оркестра т. Степанову Л. К. за то, что на балу он обозвал меня нецензурным словом на музыкальном инструменте».

(Из приказа).
Прислал Б. Бартель,
г. Находка.

Прислал А. Комаров,
г. Вологда.

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

С НОВЫМ ГОДОМ, ДРУЗЬЯ!

КРОКОДИЛ
№ 36 (2118)
ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»
ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Темы рисунков этого номера придумали: М. Битный, М. Вайсборд, В. Владов, Ю. Ерофеев, В. Жаринов, Г. и В. Караваевы, В. Мохов, Ю. Черепанов.

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Е. П. ДУБРОВИН
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ
(художественный редактор)
Г. О. МАРЧИК
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Технический редактор
Г. И. ОГОРОДНИКОВ.

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 9/XII 1974 г. А 00896. Подписано к печати 19/XII 1974 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 550 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 293 400). Изд. № 2972. Заказ № 3158.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.